

УДК 82-32
DOI 10.17223/18137083/74/10

Поэтика литературного сновидения в новелле С. Д. Кржижановского «Боковая ветка»

М. А. Липина

*Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия*

Аннотация

Исследуется онейрический текст новеллы С. Д. Кржижановского «Боковая ветка». Рассматривается реализация приема необъявленного сна в рамках онейротопа новеллы, особенности структуры представленного литературного сновидения (модель засыпания – сна – пробуждения героя), онейрической образности (реализация метафор «сон-жизнь», «сон-смерть»), способов имитации в тексте новеллы особенностей нелитературного сновидения (пробуждение падением, внезапная немота героя и т. д.). Реализуется попытка рассмотрения онейротопа новеллы с точки зрения классификации по жанрово-функциональному, сюжетно-композиционному, образно-эстетическому и персонажному признакам, а также художественным функциям, выполняемым литературным сновидением. Онейрический текст новеллы Кржижановского рассматривается как художественная реализация самобытной идеи автора о «подсознательном», сновидном происхождении коммунистической утопии.

Ключевые слова:

С. Д. Кржижановский, «Боковая ветка», онейротоп, онейрический текст, литературное сновидение, гипнология, онейропоэтика

Для цитирования

Липина М. А. Поэтика литературного сновидения в новелле С. Д. Кржижановского «Боковая ветка» // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 132–143. DOI 10.17223/18137083/74/10

Poetics of literary dream in Sigizmund Krzhizhanovsky's novel "Sideline"

M. A. Lipina

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation*

Abstract

The paper is dedicated to studying the oneiric text of S. Krzhizhanovsky's novel "Sideline." The topicality of the research is due to modern literary criticism interest in examining various aspects of artistic hypnology of Russian writers, as well as studying the works of "returned" authors, including S. Krzhizhanovsky. The realization specifics of the structural model of the literary dream in question can be presented as the following scheme: unconscious falling asleep – dream-journey – awakening by falling down. Different variants of artistic implementation of the main metaphors connected with dreaming are analyzed: "dream-life" in the image of briefcase-cushion and the image of "million-brained" dream of equality and brotherhood; "dream-death" in the image of the leader of a dream world, with the prevalence

© М. А. Липина, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 1
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 1

of thanatological vocabulary in the description of the city of dreams. The ways of imitating the space of real dreaming in the oneiric text of the novel are studied: awakening by falling, sudden muteness of characters, sudden change of location, etc. Also, the specifics of using the plot device of an unannounced dream is considered contributing to the illusion of “reality” of everything that happens to the character in the city of dreams. An attempt is made to consider the oneirotop of the novel in terms of classification by genre and function, plot and composition, images and esthetics and characters, as well as artistic functions of dreams in the literature (plot function, psychological function, idea, and symbolic function). The oneiric text of Krzhizhanovsky’s novel “Sideline” is viewed as an artistic realization of the author’s original idea of the subconscious, dreamy origin of a communist utopia.

Keywords

Sigizmund Krzhizhanovsky, “Sideline”, oneirotop, oneiric text, dream in literature, hypnology, oneiric poetics

For citation

Lipina M. A. Poetics of literary dream in Sigizmund Krzhizhanovsky’s novel “Sideline”. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 1, pp. 132–143. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/74/10

Изучение сновидений в художественной литературе выделяется в особую область современного литературоведения, которая называется художественной гипнологией, онейрологией, онейропозитикой (oneiros – «сновидение»). В. В. Савельева определяет онейропозитику как «область поэтики, которая сосредоточена на филологическом анализе сновидения как вербального художественного текста» [2013, с. 23]. Пространство сна в литературном произведении исследователи в данной сфере обозначают различными терминами («онейрический текст», «сновидное пространство»), наиболее лаконичным и устоявшимся из которых является «онейротоп» (Т. Ф. Теперик, В. Савельева, Н. А. Нагорная и др.). При использовании данной категории стоит учитывать, что «онейротоп включает в себя описание сновидения, но ему не равен. В него входит весь комплекс художественных средств, связанный с изображением сновидения, это ближайший композиционно-смысловой контекст, связанный с его изображением» [Теперик, 2008, с. 9]. Таким образом, онейротоп включает в себя описание сновидения, его интерпретации, а также ситуации засыпания – пробуждения.

Современное литературоведение все чаще обращается к исследованию различных аспектов художественной системы выдающегося писателя, переводчика и литературоведа С. Д. Кржижановского, чье творчество на протяжении многих лет было знакомо лишь узкому кругу филологов. Одним из основоположников изучения произведений Кржижановского является В. Г. Перельмутер, выступивший редактором-составителем первых опубликованных сборников новелл писателя, а также автором посвященных его творчеству литературоведческих статей («Когда не хватает воздуха» [Перельмутер, 1990], «Прозванный гений» [Перельмутер, 1991], «Трактат о том, как невыгодно быть талантливым» [Перельмутер, 1989] и др.). Рассмотрев основные литературоведческие работы, посвященные произведениям С. Д. Кржижановского, можно выделить несколько аспектов творчества писателя, к которым наиболее часто обращаются исследователи: специфика так называемого минус-пространства в художественной системе Кржижановского [Топоров, 1995]; типы и функции лингвистических новообразований в произведениях писателя [Бышук, 2008], особенности пространственно-временной организации текста автора [Подина, 2002]; экзистенциальная проблематика [Горошников, 2005]; жанровое своеобразие творчества Кржижановского [Воробь-

ева, 2002]; интертекстуальная составляющая поэтики «музыкальных новелл» писателя [Мансков, 2007], специфика игрового начала [Клецкина, 2007], философско-эстетические искания в прозе Кржижановского [Ливская, 2009] и др.

Особенно интересными в свете темы нашего исследования представляются работы Р. М. Ханиновой [2008; 2009; 2013], посвященные произведениям писателя, в том числе представленного в них онейрического текста, с точки зрения антропологической поэтики. Две главы монографии Р. М. Ханиновой «Антропологическая поэтика русской повести и рассказа 1900–1930-х гг.» [2013] посвящены исследованию литературных сновидений в художественном пространстве Кржижановского («Философема сна в прозе Сигизмунда Кржижановского», «Экфрасис и сон-экфраза в малой прозе Сигизмунда Кржижановского»), в том числе автор рассматривает через призму антропоэтики онейротоп новеллы «Боковая ветка» («Вещь в антропоцентрической перспективе сновидения: новеллы «Боковая ветка» и «Серый фетр»). В фокусе исследователя в данном случае находится главным образом проблема философского содержания сферы вещного мира новеллы, онтологическое декодирование онейрического и несновидного пространства «Боковой ветки». Автор не концентрируется на особенностях структуры представленного в тексте онейротоп, а также специфике приемов имитации фикциональным текстом нон-фикционального пространства.

Творчество С. Д. Кржижановского предполагает причудливое переплетение реальности и грезы, его произведения напоминают мрачноватые сказки или притчи, в которых действуют герои, находящиеся в пограничных состояниях: они не до конца живы, но и не совсем мертвы («Автобиография трупа», «Швы», «Чудак»), то ли бодрствуют, то ли погружены в сон («Мост через Стикс», «Фантом», «Рисунок пером», «Боковая ветка»), состоят из какой-либо одной части тела («Итанеэсиес», «Сбежавшие пальцы»), являются неодушевленными в пределах привычной реальности предметами («Мишени наступают», «Поэтому») и т. д. При этом зачастую реальность «фантазма», сна является доминирующей, «говорящей», максимально эстетически и идеологически наполненной. Для Кржижановского именно «фантазм» является истинной реальностью, скрытым миром, который поражает безупречной логической обоснованностью даже самых парадоксальных образов. Данное представление сближает творческий метод автора с поэтикой сюрреализма, в рамках которой источником вдохновения художника является истинная «сверхреальность», пространство подсознания и сна.

Художественная система С. Д. Кржижановского является онейрически наполненной, в этом утверждении мы солидарны с Р. М. Ханиновой, которая утверждает, что сон является одним из «сквозных» образов творчества писателя [2013, с. 64]. Онейротоп представлен в нескольких произведениях С. Д. Кржижановского, таких как «Возвращение Мюнхгаузена», «Мост через Стикс», «Фантом», «Рисунок пером», «Поэтому» и др. В рамках данной статьи мы обратимся к исследованию специфики онейротоп в новелле С. Д. Кржижановского «Боковая ветка». Изучение онейрического пространства указанного произведения представляется целесообразным и продуктивным в связи с тем, что большая часть текста новеллы представляет собой развернутый онейротоп (ситуация засыпания, описание сна, ситуация пробуждения, контекст и т. д.), в пределах которого реализуется основная концептуальная составляющая текста.

Онейрический текст новеллы характеризуется высокой концентрацией сюрреалистической образности и размытостью границ между сном и явью. Сновидение «не объявлено» [Бочаров, 1974, с. 205], и этот прием, как указывает В. В. Са-

вельева, словно наделяет онейротоп временной материальностью и вещественностью [Савельева, 2013, с. 56], способствует созданию иллюзии реалистичности событий, произошедших с героем в городе сновидений. О том, что Квантин уснул, читатель догадывается по ряду примет, но констатации отхода ко сну нет, напротив, на поверхности лежит ситуация неудавшегося засыпания. Герой пытается задремать, ему зябко («Не то тянуло от окна, не то лихорадило»), возможно, он нездоров, портфель, который он пытается использовать вместо подушки, неудобен, и Квантин решает бодствовать, на самом деле, вероятно, засыпая:

Если представить себе страну или мир, в котором под тульи шляп, под кожаные подкладки их, иногда – ну, пусть редко-редко – забредали бы так, по соседству, окраинные причерепные мысли... то... – мягкий толчок, точно не буферами о буфера, а подушечьим пухом о пух, вдруг остановил поезд, – то (должно быть, семафор)... нет, лучше не вдоль то, а по боковой [Кржижановский, 1989, с. 42]¹.

Момент засыпания описывается Кржижановским максимально реалистично. Главный герой предаётся философским размышлениям о двойственной природе человеческого мозга, который всегда содержит что-то скрытое, истинное, неконтролируемое сознанием:

Если предположить, что самый наш мозг поверх другого мозга, как шляпа поверх головы, что тот в настоящую думающий, подкорковый, раскланивается моим мышлением, приветственно приподымает его при встрече с... (с. 42).

Его мысли путаются, обрываются, и, наконец, он, сам того не понимая, засыпает:

Но вперерез мысли точно тень опустившегося семафора и о слух ватным прикосновением: – Прошу предъявить ваши сновидения (с. 42).

Замысловатая реплика вошедшего в вагон кондуктора служит маркером того, что реальность ускользнула от героя и словно запускает, приводит в действие круговорот фантастических образов, сопровождающих его приключение.

На то, что Квантин уснул, указывает не только необычная просьба кондуктора предъявить сновидения, но также лексемы и словосочетания, значение которых связано с темой сна, засыпания, а точнее с образом подушки как посредника между сном и человеком: «мягкий», «подушечий пух», «ватное прикосновение». Само тело героя становится неестественно легким, словно пустым, портфель уподобляется подушке:

Квантин поднялся и – к выходу. Ноги его как-то ватно легки и пусты, портфель под локтем мягок и упруг, как взбитая к ночи подушка (с. 43).

Сонным стариком, который, «шаркая паром», медленно идет сквозь ночь, кажется Квантину необычный старинный паровоз, в который он пересаживается из своего вагона:

Старый паровичок, шаркая паром, казалось, шел сквозь ночь, волоча мягкие ночные туфли, то и дело спадающие с пят (с. 43).

¹ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

Реальность новеллы стремительно трансформируется после того, как герой «предъявляет свои сновидения» кондуктору и выходит из вагона. Ночная земля почему-то становится теплой, паровоз выглядит устаревшим музейным экспонатом, дует теплый тропический ветер, приносящий аромат невиданных пряных трав, за окном проносятся совершенно невероятные для средней полосы России пальмы, в вагон влетает диковинная бабочка и т. д.

Периодически автор словно подсказывает читателю, где стоит искать источники сновидных образов героя:

...вброшенная ударом голубого воздуха, в вагон впорхнула бабочка и билась смятыми крылышками над подпотолочной сеткой. Квантин узнал узоры ее пыльцы: *ugania girteus*, притропический вид, не перелетающий и двадцатой параллели. Страница энтомологического атласа, приподнявшись – своими пестрыми подобиями – в память, снова опала под переплетную крышку (с. 44).

Квантин – человек, обладающий определенным читательским опытом, он идентифицирует бабочку, вспоминает ее название на латыни, затем на улицах города сновидений узнает в лицо Томаса Мора, отвечающего в онейрическом мире за экспорт утопий в сознания спящих. Кржижановский переосмысливает саму идею возникновения утопий: они злонамеренно внушаются людям миром снов, помогают подготовить реальность к захвату сновидным пространством. Таким образом, «дневной», практический опыт Квантина находит отражение в его снах, трансформируется в яркие образы онейрического пространства, влияет на формирование идеологической основы взглядов героя на город снов и знакомую ему несновидную реальность.

Наконец на то, что увиденное Квантином было сном, указывает момент пробуждения:

Прямо напротив, в метре от глаз – желтая вагонная стена. Сверху – подоткнутые железом полки. Квантин поднял голову с доски и, щуря глаза, огляделся по сторонам. Поезд стоял. В проходе – спина носильщика, придавленная тюком, за пыльным окном – знакомая стеклянная навесь Московского вокзала. Упершись ладонью в скамью, он все еще медлил включиться в день (с. 59).

Герой не может поверить в то, что увиденное в городе сновидений, было лишь игрой подсознания, он ищет приметы сновидной реальности в утренней суматохе прибывшего на вокзал поезда, в какой-то момент ему кажется, что он оставил в городе снов портфель, который тут же находится в коридоре:

Пора. Он сбросил ноги со скамьи и протянул руку к портфелю. Что такое! Ладонь ткнулась о дерево – портфеля не было ни в изголовье, ни у стены. И тотчас же сквозь память: сумеречные хоры – синий свет – вытянутая рука лысоголового – и падающий вниз, к тем, четырехугольный черный портфель. И вслед – новым оборотом карусели – один за другим – открывшие образы ночи (с. 59).

Квантин не находит примет, подтверждающих, то увиденное им ночью не было просто сном, однако не находит он и успокоения, понимая, что сила и ловкость жителей города снов состоит в умении мгновенно исчезать и растворяться в пространстве без следа:

И все-таки, – подумалось Квантину, – единственно возможная техника подмены светлой карты черной, дня ночью – это стремительность, мгновение, умеющее быть быстрее «мгновения ока» (с. 60).

Кржижановский вводит в онейрический текст одну из самых распространенных содержательных особенностей нелитературного сновидения – пробуждение падением, возвращение в мир реальности через пугающее неминуемое и потенциально смертельное падение во сне:

В одно мгновение он представил себе свою мозжащуюся о камень голову и разбрызг мозга. Стена, раздвигаясь вширь и ввысь, беззвучно неслась навстречу сшибу. Лучше не видеть. Стиснуть веки и... Но что-то острое и светлое, как лезвие ножа, втиснутого под тугую покрывку, насильно расщепляло веки; уступая, он раздернул их – и тотчас же яркий дневной свет вхлынул в зрачки. Прямо напротив, в метре от глаз – желтая вагонная стена (с. 59).

Квантин обнаруживает, оказавшись свидетелем погрузки в вагоны новых невидимых сновидений, что сны, прозрачные при обычном взгляде на них, становятся видимы в отражении. Гладкий пол вокзала неожиданно становится скользким зеркалом, которое в один момент вдруг превращается в отвесную стену, сбросившую с себя героя. Квантин летит вниз, осознает близость своей гибели, которая в реальности оборачивается для него внезапным пробуждением в знакомом железнодорожном вагоне. К. Г. Юнг связывал сновидный мотив падения со страхом неудачи или смерти, который подавляется сознанием спящего [Юнг, 2014, с. 289]. Герой Кржижановского через падение спасается из сновидного мира, испытывает перед этим страх разоблачения и смерти.

Помимо пробуждения падением Кржижановский использует такую особенность нелитературного сна, как невозможность крика, внезапная немота, что в реальности является одним из симптомов так называемого сонного паралича [Левин, 2010, с. 13]:

Теперь уже не было надежды. Он скользил вниз и вниз с нарастающей скоростью. Под ним – по зеркальному скату – неслись пестрые стаи отражений. Быстрота была такова, что он уже не различал их контуров: вихрь слепящих пятен рушился вместе с ним в пустоту. Он хотел вскрикнуть, но несущимся навстречу воздухом забивало рот (с. 58).

Стоит отметить, что данный прием имитации нон-фикционального пространства (сна) является традиционным для художественной литературы и встречается во многих произведениях российских и зарубежных авторов (сон Татьяны («Евгений Онегин» А. С. Пушкина), сон Чарткова («Портрет» Н. В. Гоголя), «Дурной сон» Б. Л. Пастернака и др.). Кржижановский следует традиции: стремится уподобить литературное сновидение нелитературному, обращается к сновидному опыту читателя, пытается напомнить ему пугающие ощущения падения, внезапной немоты во сне, побудить к сопереживанию герою.

Таким образом, структура онейротопы «Боковой ветки» может быть представлена в виде своеобразной петли: подготовка ко сну, неосознанное засыпание (вопреки принятому решению бодрствовать), путешествие в город сновидений, пробуждение падением и возвращение в «досонное» пространство железнодорожного вагона.

В тексте новеллы реализуются две основные метафоры, связанные с темой сна: «сон-смерть», «сон-жизнь». Первая из них, наиболее характерная для христианской культуры («вечный сон»), представлена в нескольких вариантах: герой называет поезд, увозящий его в город сновидений, «саркофагом на колесах», который может завести в любую катастрофу. Основной идеолог города сновидений – лектор вечерних курсов, проповедующий идею захвата мира яви снами, описывается как некто с черепом, обтянутым кожей, что сближает его с традиционным в европейской культуре образом смерти. Наконец, само описание города сновидений наполнено танатологической лексикой («темнота», «недвижье», «мертвые», «кладбище», «гнилушечий» и т. д.):

Темнота, будящая сов и летучих мышей, разворошила недвижье города снов. Улицы, еще так недавно мертвые, как дорожки кладбища, были полны теперь всевозрастающим оживлением. Жалюзи уползли вверх, обнажая черные дыры окон. Лишь кое-где за их открытыми рамами затлевал и ник мутный гнилушечий свет. Створы дверей, распахиваясь, как крылья ночных птиц, начинающих лет, выбрасывали в улицы торопливые силуэты людей (с. 55–56).

Перед читателем предстает мрачный безрадостный город, который, подобно ночной птице или летучей мыши, приходит в движение лишь с наступлением темноты и буднично готовится к очередной «смене» доставления спящим сновидений.

Метафора «жизнь-сон» реализуется, в частности, через образ «портфеля-подушки», который помогает мнимо бодрствующим людям спать в вертикальном положении, создавать и поддерживать иллюзию важности данной государством работы, чина, должности и т. д. Эти особенные усовершенствованные модели подушек помогают сновидцу грезить наяву, принимать сон за реальность, фантазию за истинную действительность:

Стоит лишь сунуть вот эту штуку под локоть, и вы, не меняя даже вертикального положения на горизонтальное, с раскрытыми глазами, при ярком дне, погружаетесь в глубочайший сон: вам снится, что вы деятель, вершитель, общественник, измыслитель новых систем – и портфельная подушка, выпруживаясь из-под локтя, толкает из снов в сны (с. 51).

Новые «портфельные» подушки не только подменяют жизнь сном, они выполняют функцию «выпрямления», опустошения человеческого мозга, превращения его в подобие мягкой, «хорошо взбитой подушки»:

Мозг – он распяливается вширь, последние мозговые извилины и морщины на нем выравниваются, он делается гладок и чист от мысли... (с. 51).

Образ «портфеля-подушки» повторяется в новелле несколько раз: сначала это портфель, подложенный под голову в попытке героя уснуть в вагоне, затем заметно «полегчавший» портфель, с которым Квантин выходит на перрон города сновидений, далее следует расшифровка образа, объяснение того, что портфель – это и есть новая усовершенствованная модель подушки, произведенная в сновидном городе. Наконец портфель – это деталь, которая выдает героя жителям города и провоцирует погоню за ним, а в финале новеллы при пробуждении «убежавший» из-под головы Квантина портфель становится возможным свидетельством реальности существования фантастического города.

Также метафора «жизнь-сон» реализуется в образе «миллионномозгового сна о всеобщем братстве», который внушается миром снов людям. Цель жителей сновидного города – подменить явь сном, ведь главное отличие реальности от фантазии в том, что реальность устойчива, а фантазия рассыпается при свете дня. Но современная действительность уже не так понятна и устойчива, как раньше, в то время как сны люди научились видеть одни и те же. Именно этот единый сон, протекающий под флагами цвета усыпляющего мака, поможет сновидному миру прорваться в реальность:

...разве не удалось нам уже и сейчас унифицировать сны, разве не навели мы человечеству сладчайший миллионномозгий сон братства, единый сон о единении. Знамена цвета маковых лепестков колышутся над толпами... (с. 53).

Идея общечеловеческого сна о равенстве как подмены действительности лежит в основе стратегии лидеров города сновидений. При этом коллективно экспортируемая утопия, очевидно, грозит обернуться антиутопией, ведь мир грез настроен воинственно и совсем не чужд жестокости в случае ожесточенного сопротивления спящих:

Глаза спящих под щитами век. То, что вчера еще было утопией, сегодня стало наукой. Мы ломаем факты. Мы разобьем наголову всех их status quo: вы увидите убегающие статус-квовые спины. Если «я» восстанут против «мы»: в ямы, в колодцы с кошмарами, мозгом о дно. Мы спрячем солнце под черные пятна, мы погрузим весь мир в бездвижный непробудный сон. Мы усыпим самую идею пробуждения, а если пробуждение будет противиться, мы выколем ему глаза (с. 54).

Примечательно, что классическое антиутопическое общество характеризуется стремлением к всеобщей унификации, что выражается, в частности, в попытках влияния на содержание сновидений индивидуумов, т. е. влияния рационального на подсознание. Именно эту смысловую доминанту определяет в тексте «Боковой ветки», в частности, Р. М. Ханинова [2013, с. 61], указывая, что Кржижановский воплощает в новелле желание тоталитарного государства контролировать частную жизнь (подсознание, сны) своих граждан. На наш взгляд, в «Боковой ветке» то самое «бессознательное» вполне разумно, оно целенаправленно формирует сны спящих и внушает им единый разрушительный для несновидного мира сон: сон-обман, сон-оружие. Соответственно, любая утопия и тоталитарное государство как ее искаженное воплощение, по Кржижановскому, родом из темного, непознаваемого подсознания, они заражены его хаосом и неминуемо ведут к катастрофе.

В. В. Савельева, исследуя художественную гипнологию русских писателей, предлагает классифицировать литературные сны по жанрово-функциональному, сюжетно-композиционному, образно-эстетическому и персонажному признакам. Также исследователь обращает внимание на специфику выполнения онейрическим текстом сюжетной, психологической и идейно-символической функций в художественном произведении [Савельева, 2013].

С точки зрения жанрово-функционального признака онейротоп, представленный в «Боковой ветке» Кржижановского, можно охарактеризовать как сон-откровение, «кризисный сон» [Бахтин, 2002, с. 167], сон-путешествие, сон-инициацию. Для снов подобных типов характерно ментальное перерождение героя, осознание правды о существующем миропорядке, собственном внутреннем мире. По сю-

жетно-композиционному признаку рассматриваемый нами онейрический текст является развернутым, так как занимает практически все пространство новеллы. С точки зрения образно-эстетической, онейротоп «Боковой ветки» можно охарактеризовать как фантастический, аллегорический сон. По персонажному признаку сон Квантина относится к мужским сновидениям.

Онейротоп «Боковой ветки» выполняет все указанные В. В. Савельевой функции. Увиденный героем сон является двигателем сюжета, запускает процесс осознания Квантином истинной сущности реальности, а следовательно, онейрический текст выполняет сюжетную функцию.

Герой проявляет смелость, осознает, на чьей он стороне («лазутчик»), и готов бороться за мир яви, что свидетельствует о выполнении онейротопом психологической функции (перерождение, инициация):

Это было на руку выскользнувшему из капкана «лазутчику». Слово это, внезапно брошенное в слух, звучало теперь для Квантина как отщелк ключа, как пароль в явь, больше – как лозунг, осмысляющий все страхи, блуждания и опасности здесь, в паутине улиц города, экспортирующего сны... Да, лазутчик, он выследит все извивы их замыслов, он разорвет, хотя бы ценою гибели, все это черное миллионоузлие, он остановит эти проклятые катушки, сматывающие ночь (с. 55).

Во сне герой обретает не мечту, а правду. Сон становится откровением, он не предсказывает будущее, а, возможно, открывает сущность настоящего. Вырвавшись из города снов, герой не в состоянии просто отмахнуться от нелепого кошмара и готов бороться за права реальности. Будучи на территории сновидений, он выбирает мир яви.

Сновидный текст новеллы также выполняет идейно-символическую функцию, так как иллюстрирует представление Кржижановского о революционной идее как пугающей фантазии (та же мысль автора прослеживается и в «Возвращении Мюнхгаузена»), ставшей реальностью в России. «Боковая ветка» указывает на адресанта и заказчика идеи «сна о братстве», объясняет, кому это прежде всего выгодно и к чему может привести увлечение коллективными грезами. Актуальная для времени написания новеллы коммунистическая идеология представляется в тексте Кржижановского иррациональной фантазией, сном, источник которого таится в глубинах пугающего и непознанного подсознания.

Из всего вышесказанного следует, что в новелле С. Д. Кржижановского «Боковая ветка» реализуется структурная модель литературного сновидения, которую можно представить в виде схемы: неосознаваемая героем ситуация засыпания – сон-путешествие – пробуждение падением. Основной текст новеллы содержит все приметы классического литературного сна, который стремится имитировать нон-фикциональный текст, уподобляется «реальному» нелитературному сновидению [Савельева, 2013, с. 32]. Для онейрического текста «Боковой ветки» характерно: перемещение в фантастическое пространство (город снов), неясность очертаний предметов, аллегоричность, сюрреалистичность образов (хор непробудных, ловцы облаков, портфель-подушка), резкое появление и исчезновение персонажей, смена локаций («вдруг»), трансформация пространственных объектов (вокзальный пол превращается в отвесную зеркальную стену), присутствие фантастических персонажей (девушка из макового дурмана, лектор-череп и др.), пробуждение падением и т. д.

Художественный мир С. Д. Кржижановского эстетически ярк, парадоксален и чрезвычайно идеологически наполнен, он представляется увлекательным «путешествием мысли», полным причудливых персонажей и оригинальных выводов. Онейрический текст новеллы Кржижановского «Боковая ветка» – это пространство, в котором при помощи экспрессивных сюрреалистических образов реализуется самобытная идея о «подсознательном», сновидном происхождении коммунистической утопии, переосмысливаются ее природа и предназначение.

Список литературы

- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 800 с.
- Бочаров С. Г.* О смысле «Гробовщика» (к проблеме интерпретации произведения). М.: Наука, 1974. С. 196–230.
- Бышук О. П.* Типы и функции новообразований в творчестве С. Д. Кржижановского: Дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2008. 210 с.
- Воробьева Е. И.* Жанровое своеобразие творчества С. Д. Кржижановского: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 211 с.
- Горошников В. В.* Экзистенциальная проблематика прозы Сигизмунда Кржижановского: Дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2005. 178 с.
- Клецкина О. М.* Игра в малой прозе С. Д. Кржижановского: философия, эстетика, поэтика: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 216 с.
- Кржижановский С. Д.* Воспоминания о будущем. М.: Московский рабочий, 1989. 464 с.
- Левин Я. И.* Парасомнии: современное состояние проблемы // Эпилепсия и пароксизмальные состояния. 2010. Т. 2, № 2. С. 10–16.
- Ливская Е. В.* Философско-эстетические искания в прозе С. Д. Кржижановского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 22 с.
- Мансков А. А.* Поэтика музыкальных новелл С. Д. Кржижановского: интертекстуальный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 18 с.
- Перельмутер В.* Когда не хватает воздуха // Кржижановский С. Д. Возвращение Мюнхгаузена: повести; новеллы; воспоминания о Кржижановском. Л., 1990. С. 3–18.
- Перельмутер В.* Прозванный гений // Кржижановский С. Д. Сказки для вундеркиндов: Повести, рассказы. М., 1991. С. 3–26.
- Перельмутер В.* Трактат о том, как невыгодно быть талантливым // Кржижановский С. Д. Воспоминания о будущем: Избранное из неизвестного. М., 1989. С. 3–30.
- Подина Л. В.* Пространство и время в художественном мире Сигизмунда Кржижановского: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2002. 210 с.
- Савельева В. В.* Художественная гипнология и онейротопика русских писателей: Монография. Алматы: Жазуши, 2013. 520 с.
- Теперик Т. Ф.* Поэтики сновидений в античном эпосе (на материале поэм Гомера, Аполлония Родосского, Вергилия, Лукана): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 45 с.
- Топоров В.* «Минус»-пространство Сигизмунда Кржижановского // Топоров В. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 476–575.

Ханинова Р. М. Сновидение как «черная закладка сна» в новеллах С. Кржижановского // Русская литература XX–XXI вв.: проблемы теории и методологии изучения / Под ред. С. И. Кормилова. М.: Макс-Пресс, 2008. С. 195–198.

Ханинова Р. М. Мотив сновидения в новеллистике С. Д. Кржижановского // Русское литературоведение на современном этапе. М., 2009. С. 394–397.

Ханинова Р. М. Антропологическая поэтика русской повести и рассказа 1900–1930-х гг. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. 210 с.

Юнг К. Г. Алхимия снов. Четыре архетипа / Пер. С. И. Пантелеева; ред. Е. В. Осипова. М.: Медков С. Б., 2014. 312 с.

References

Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo. Raboty 1960–1970 gg.* [Problems of Dostoevsky's poetics. Works of the 1960–1970s]. Moscow, LRC Publishing House, 2002, vol. 6, 800 p.

Bocharov S. G. *O smysle "Grobovshchika" (k probleme interpretatsii proizvedeniya)* [The meaning of "The Undertaker" (on the issue of interpreting the work)]. Moscow, Nauka, 1974. pp. 196–230.

Byshuk O. P. *Tipy i funktsii novoobrazovaniy v tvorchestve S. D. Krzhizhanovskogo* [Types and functions of neologisms in the works of S. D. Krzhizhanovsky]. Cand. philol. sci. diss. Yaroslavl', 2008, 210 p.

Goroshnikov V. V. *Ekzistentsial'naya problematika prozy Sigizmunda Krzhizhanovskogo* [Existential problems of Sigizmund Krzhizhanovsky's prose]. Cand. philol. sci. diss. Yaroslavl', 2005, 178 p.

Jung C. G. *Alkhimiya snov. Chetyre arkhetypa* [Alchemy of dreams. Four archetypes]. Moscow, Medkov S. B., 2014, 312 p.

Khaninova R. M. *Snovidenie kak "chernaya zakladka sna" v novellakh S. Krzhizhanovskogo* [Dream as a "black bookmark of sleeping" in the novels of S. Krzhizhanovsky]. In: *Russkaya literatura 20–21: problemy teorii i metodologii izucheniya* [Russian literature of 20th–21st centuries: problems of theory and methodology of research]. S. I. Kormilova (Ed.). Moscow, Maks-Press, 2008, pp. 195–198.

Khaninova R. M. *Motiv snovideniya v novellistike S. D. Krzhizhanovskogo* [The motif of dreaming in the novels of S. D. Krzhizhanovsky]. In: *Russkoe literaturovedenie na sovremennom etape* [Russian literature studies at modern times]. Moscow, 2009, pp. 394–397.

Khaninova R. M. *Antropologicheskaya poetika russkoy povesti i rasskaza 1900–1930-kh gg.* [Anthropological poetics of Russian tales and short stories of the 1900–1930]. Elista, KalmSU Publ., 2013, 210 p.

Kletskina O. M. *Igra v maloy proze S.D. Krzhizhanovskogo: filosofiya, estetika, poetika* [Play in S. D. Krzhizhanovsky's flash fiction: philosophy, aesthetics, and poetics]. Cand. philol. sci. diss. Irkutsk, 2007, 216 p.

Krzhizhanovsky S. D. *Vospominaniya o budushchem* [Memories of the Future]. Moscow, Moskovsky rabochiy, 1989, 464 p.

Levin Y. I. *Parasomnii: spvremennoye sostiyanie problem* [Parasomnias: the modern state of the problem]. *Epilepsy and paroxysmal conditions*. 2010, vol. 2, no. 2, pp. 10–16.

Livskaya E. V. *Filosofsko-esteticheskie iskaniya v proze S. D. Krzhizhanovskogo* [Philosophical and aesthetic quests in S. D. Krzhizhanovsky's prose]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2009, 22 p.

Manskov A. A. *Poetika muzykal'nykh novell S. D. Krzhizhanovskogo* [Poetics of S. D. Krzhizhanovsky's musical novels]. Cand. philol. sci. diss. Barnaul, 2007, 18 p.

Perel'muter V. *Kogda ne khvataet vozdukha* [When there is not enough air]. In: *Krzhizhanovskiy S. D. Vozvrashchenie Myunkhgauzena: povesti; novelly; vospominaniya o Krzhizhanovskom* [The Return of Munchausen: stories, novels, and memories of Krzhizhanovsky]. Leningrad, 1990, pp. 3–18.

Perel'muter V. "Prozevannyi geniy" [The lost genius]. In: *Krzhizhanovskiy S. D. Skazki dlya vunderkindov: Povesti, rasskazy* [Tales for prodigies: novels and short stories]. Moscow, 1991, pp. 3–26.

Perel'muter V. *Traktat o tom, kak nevygodno byt' talantlivym* [Treatise of the disadvantages of being talented]. In: *Krzhizhanovskiy S. D. Vospominaniya o budushchem: Izbrannoe iz neizvestnogo* [Memories of the future: selected unknown works]. Moscow, 1989, pp. 3–30.

Podina L. V. *Prostranstvo i vremya v khudozhestvennom mire Sigizmunda Krzhizhanovskogo* [Space and time in the artistic world of Sigizmund Krzhizhanovsky]. Cand. philol. sci. diss. Samara, 2002, 210 p.

Savelyeva V. V. *Khudozhesvennaya gipnologiya i oneirotopika russkikh pisateley: monografiya* [Artistic hypnology and oneirotopics of Russian writers: a monograph]. Almaty, Zhazushi, 2013, 520 p.

Teperik T. F. *Poetiki snovideniy v antichnom epose (na material poem Gomera, Apolloniya Rodosskogo, Vergiliya, Lukana)* [Poetics of dreams in antique epos (by the poems of Homer, Apollonius of Rhodes, Virgil, Lucan)]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2008, 45 p.

Toporov V. "Minus"-prostranstvo Sigizmunda Krzhizhanovskogo ["Minus"-space of Sigizmund Krzhizhanovsky]. In: *Toporov V. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image. Researching myths and poetics]. Moscow, 1995, pp. 476–575.

Vorob'eva E. I. *Zhanrovoe svoeobrazie tvorchestva S. D. Krzhizhanovskogo* [Genre originality of S. D. Krchichanovsky's works]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2002, 211 p.

Сведения об авторе

Липина Мария Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и медиаменеджмента Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

m-gordina@mail.ru

Information about the author

Maria A. Lipina – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Journalism and Media Management of the Institute of Philology, Foreign Languages, and Media Communication of the Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

m-gordina@mail.ru